

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова

1

Вопрос о влиянии на творчество Пушкина знаменитого романа Бенжамена Констана «Адольф» уже обсуждался в пушкинской литературе.[1] Известно, что романтический герой Б. Констана был одним из прототипов Онегина. Необходимо, однако, отметить, что роман Б. Констана имел на творчество Пушкина значительно большее и, что особенно важно подчеркнуть, более разнообразное влияние, чем обычно думают.

Особое значение «Адольфа» для Пушкина заключается в том, что Пушкин связал с этим романом ряд литературных проблем, разрешение которых стояло перед ним в конце 20-х годов.

«Адольф» был написан в 1807 году и долго оставался ненапечатанным. Только в 1815 году появилось первое (лондонское) издание «Адольфа», второе (парижское) вышло в 1816 году.

Роман Б. Констана сразу обратил на себя внимание читателей. В 1817 году Стендаль назвал «Адольфа» «необыкновенным романом». Сент-Бев, рассказывая о впечатлении, произведенном «Адольфом» на современников, называет этот роман братом «Ренэ» Шатобриана.[2] Сисмонди в письме (от 14 октября 1816 г.), которое, по словам Сент-Бева, стало неотделимым от «Адольфа» комментарием этого романа, пишет, между прочим, следующее: «В „Адольфе“ анализ всех чувств человеческого сердца так восхитителен, столько истины (курсив мой. А. А.) в слабости героя, столько ума в наблюдениях, силы и чистоты в слоге, что книга читается с бесконечным удовольствием. Мне кажется, что она доставляет мне тем более удовольствия, что я узнаю автора на каждой странице...» (курсив мой. – А. А.).

Как мы видим, автобиографичность «Адольфа», с одной стороны, с другой верность и глубина психологического анализа в произведении, впоследствии получившем название «отца психологического романа», были отмечены сразу же. 29 июля 1816 года Байрон писал своему другу поэту Роджерсу: «Я просмотрел „Адольфа“ и предисловие к нему, в котором отвергаются действительные персонажи. Это произведение оставляет тягостное впечатление, но гармонирует с тем состоянием, когда более не способен любить – состоянием, может быть, самым неприятным в мире, за исключением влюбленности».[3]

Успех «Адольфа» был длителен. Еще в конце 30-х годов Густав Планш написал к «Адольфу» обширное предисловие; Бальзак в 40-х годах упоминает об «Адольфе» в ряде своих романов («Записки новобрачных», «Погибшие мечтания», «Беатриса»).

«Адольф» очень скоро стал известен и русским читателям. Уже 26 октября 1816 года Вяземский писал из Москвы А. И. Тургеневу: «Я послал к тебе „Адольфа“ с молодым Апостолом-Муравьевым».[4]

Первый русский перевод «Адольфа» появился в 1818 году под заглавием «Адольф и Елеонора, или Опасности любовных связей, истинное происшествие» и был напечатан в Орловской губернской типографии.

Принимая во внимание значительное идеологическое воздействие Б. Констана как политического писателя и публициста на передовых людей того времени,[5] можно предположить, что Пушкин прочел «Адольфа» вскоре после выхода романа в свет.

Как известно, современники Пушкина узнавали в героине «Адольфа» мадам де Сталь.[6] Широкая популярность этого имени в России, конечно, должна была повысить интерес читателей к роману Б. Констана. В частности, Пушкин, так высоко ценивший произведения де Сталь, упоминавший о ее книгах «*Dix années d'exil*» и «*De l'Allemagne*» в 1-й главе «Онегина», выступавший в защиту автора «Дельфины» и «Коринны» в 1825 году и еще в 1831 году изобразивший мадам де Сталь в «Рославлеве», должен был с особым вниманием отнестись к «Адольфу».

В письме к Каролине Собаньской (январь–февраль 1830 г.) Пушкин пишет, что имя героини «Адольфа» Элеоноры напоминает ему «жгучие чтения (...) юных лет и нежный призрак, прельщавший (...) тогда»[7] (в его одесский период жизни).

«Адо́льф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Интерес Пушкина к «Адо́льфу» был столь же длительным, как у его современников.

20 декабря 1829 года, т. е. еще до выхода перевода Вяземского, Баратынский писал Вяземскому: «Для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического тонко-чувственного „Адо́льфа“ на наш необработанный язык».[8] Вяземский, восторженное отношение которого к роману Б. Констана засвидетельствовано его предисловием[9] к сделанному им переводу «Адо́льфа», посылая свой перевод Е. М. Хитрово, писал ей: «Вы любите этот роман, вы будете довольны тем, что я посвятил его имени для вас дорогому, т. е. имени Пушкина».[10] а в 1832 году сообщил жене: «Намедни на бале Завадовская сказала мне, что она три раза прочла моего „Адо́льфа“».[11] Приблизительно к тому же времени относится отзыв об «Адо́льфе» в дневнике Никитенко[12] и перевод «Адо́льфа», сделанный Полевым.[13] Установленное исследователями влияние «Адо́льфа» на «Героя нашего времени» свидетельствует о впечатлении, произведенном романом Б. Констана на Лермонтова.[14] Человек другого поколения, И. С. Аксаков, для которого «Адо́льф» был только старым французским романом, в письме к отцу от 1845 года сообщает об отношении к этому роману А. О. Смирновой: «...я, не говоря, впрочем, об этом ничего А. О., взял у нее прочесть один французский старый роман Benjamin Constant „Adolphe“, который она ставит выше небес».[15]

В личной библиотеке Пушкина хранится экземпляр 3-го издания «Адо́льфа» (1824) с многими карандашными отметками.[16] Как мне удалось установить, на с. 61 и 104 находятся замечания рукою Пушкина, что позволяет предположить, что и другие отметки сделаны им же.

2

Первое известное нам упоминание Пушкина об «Адо́льфе» находится в черновом тексте 9-го стиха XXXVIII строфы 1-й главы «Евгения Онегина» («как Child Harold угрюмый, томный»), где вместо имени Child Harold Пушкин написал «как Адо́льф» (VI, 244). Затем встречается это имя в XXII строфе 7-й главы «Евгения Онегина» (VI, 438):[17] «Адо́льф» был одним из романов, которые Татьяна прочла в доме Онегина и по отметкам на страницах которого она угадала истинный характер своего героя. Таким образом, Пушкин сам указал на Адо́льфа как на один из прототипов Онегина.

В до сих пор не опубликованном черновике этой строфы (тетрадь 2371, л. 67) чрезвычайно интересен тот ряд, в который Пушкин включает «Адо́льфа». Привожу транскрипцию:

Хотя мы знаем что Евгений
Издавна чтенья разлюбил
[С собою] Однако несколько творений
[Лишь] он [С собою] по привычке лишь возил
[Листки в которых отразились] [творцы]
[Коринну Сталь] [два три] [романа]
Весь В. Скотт Адо́льф Констана
[Мельмот] [Рене] [Адо́льф] Констана
Весь Скотт да два иль три романа
Рене, еще два три романа
В которых отразился век
И современный человек
Изображен [печально] довольно верно...
Таким образом, выясняется, что по первоначальному замыслу Пушкина «два три романа» XXII строфы «Евгения Онегина» – это «Мельмот» Матюрена, «Рене» Шатобриана и «Адо́льф».[18] При следующей переработке этих стихов Пушкин заменил Сталь Байроном, а «два три романа» не названы.

В «Заметке» о предстоящем выходе перевода «Адо́льфа», сделанного Вяземским, Пушкин вторично сопоставляет имя Б. Констана с именем Байрона: «Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона».[19] Эту мысль Пушкина повторил и Вяземский: «Характер Адо́льфа верный отпечаток времени своего. Он прототип Чайльд Гарольда и многочисленных его потомков».[20] Сопоставление Адо́льфа с характерами героев Байрона имело для Пушкина очень важный принципиальный смысл.

Вяземский в посвящении Пушкину сделанного им перевода «Адо́льфа» писал: «Прими перевод нашего любимого романа» и «Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего». Хотя это посвящение, как выясняется из писем Вяземского к

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Плетневу, было написано в январе 1831 года, но это не значит, что беседы об «Адольфе» происходили в связи с переводом Вяземского. Вернее предположить, что именно эти беседы подали Вяземскому мысль заняться переводом романа Б. Констана.

Вяземский переводил «Адольфа» *сop amore*, придавал чрезвычайно важное значение своему переводу и работал над такой сравнительно небольшой вещью очень долго. [21]

20 декабря 1829 года Баратынский благодарит Вяземского за присланную на просмотр рукопись перевода. [22] И только 12 января 1831 года Вяземский обратился к Плетневу с просьбой отдать в цензуру оставленный в Петербурге у Жуковского и Дельвига перевод «Адольфа», обещая прислать на днях посвящение («письмо к Пушкину») и предисловие («несколько слов от переводчика»). [23]

17 января 1831 года Вяземский послал Пушкину из Остафьева в Москву свое предисловие (а может быть, и посвящение) со следующей просьбой: «Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием посылаемое тебе (курсив мой. – А. А.) и укажи мне на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее (...) Нужно отослать в Петербург к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа» (XIV, 146).

Очевидно, Пушкин полагал необходимым внести некоторые поправки в предисловие Вяземского, потому что через три дня он ответил: «Оставь Адольфа у меня – на днях перешлю тебе нужные замечания». [24] Поэтому мы имеем право предположить редактуру, если не сотрудничество Пушкина, а самое предисловие рассматривать как итог бесед Пушкина и Вяземского об «Адольфе». Это тем вероятнее, что, как уже отмечалось, некоторые мысли, высказанные Вяземским в предисловии, – повторение заметки Пушкина об «Адольфе». [25]

В своем предисловии Вяземский говорит, что, переводя «Адольфа», он имел желание «познакомить» русских писателей с этим романом. [26] Конечно, Вяземский знал, что русские писатели могли прочесть роман Б. Констана в подлиннике, и вовсе не с романом Б. Констана хотел их познакомить, а показать на примере своего перевода, каким языком должен быть написан русский психологический роман.

Говоря о языке психологической прозы, мы имеем в виду тот язык, который Пушкин называл «метафизическим». [27]

Пушкин считал Вяземского способным содействовать развитию этого языка («У кн. Вяземского есть свой слог») и 1 сентября 1823 года советовал Вяземскому заняться прозой и «образовать русский метафизический язык». А еще 18 ноября 1822 года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Я сию теперь на прозаических переводах с французской прозы. Во-первых, есть тут и для себя упражнение полезное». [28] Очевидно, прозаические переводы уже тогда казались Вяземскому способом обогащения русского литературного языка и, в частности, создания русской прозы, еще не очень самостоятельной и мало разработанной. Известны жалобы Пушкина на отсутствие русской прозы и на отставание прозы от стихов. [29]

Посылая Баратынскому на просмотр свой перевод «Адольфа», Вяземский, очевидно, высказал свои соображения о трудности передать по-русски все оттенки «Адольфа», потому что Баратынский ответил ему следующее: «Чувствую, как трудно переводить светского Адольфа на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительных выражений. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из них, которые говорят по-русски, говорят языком Пушкина, Жуковского и вашим, языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику». [30]

За год до того, как было написано предисловие Вяземского, Пушкин в заметке о предстоящем выходе «Адольфа» писал: «Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы» (курсив мой – А. А.). Здесь Пушкин, уже знавший перевод Вяземского или, во всяком случае, методы его перевода, [31] высказывал ту же мысль, что и Вяземский в предисловии, а Баратынский в приведенных письмах. Говоря о метафизическом языке «Адольфа»,

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Пушкин имеет в виду создание языка, раскрывающего душевную жизнь человека. Самое выражение «метафизический язык» Пушкин, вероятно, заимствовал у мадам де Сталь. Оно встречается в «Коринне», в главе «De la litterature italienne», без сомнения внимательно прочитанной Пушкиным: «les sentiments reflechis exigent des expressions plus metaphysiques» (рассудочное мышление требует более метафизического выражения).[32]

Конечно, возникает вопрос, чем же отличается психологизм «Адольфа», так сильно поражающий читателей, от психологизма романов, современных «Адольфу», как первоклассных (Сталь, Шатобриан), так и второстепенных (Коттен, Криденер, Жанлис). Дело в том, что Б. Констан первый показал в «Адольфе» раздвоенность человеческой психики, [33] соотношение сознательного и подсознательного, [34] роль подавляемых чувств [35] и разоблачил истинные побуждения человеческих действий. Поэтому «Адольф» и получил впоследствии название «отца психологического романа» или «le prototype du roman psychologique». Все эти черты «Адольфа», как известно, указали путь целому ряду романистов, в числе которых одним из первых был Стендаль. Уже в 1817 году Стендаль писал: «Данте понял бы без сомнения тонкие чувства, наполняющие необыкновенный роман Бенжамен Констана „Адольф“, если бы в его время были такие же слабые и несчастные люди, как Адольф; но чтобы выразить эти чувства, он должен был обогатить свой язык. Таким, как он нам его оставил, он не годится... для перевода Адольфа».[36]

В связи с высказыванием Пушкина о метафизическом языке «Адольфа» особый интерес представляют его собственные пометки на полях романа Б. Констана. Против отчеркнутых слов (в письме Адольфа к Элленоре): «Je me precipite sur cette terre qui devrait s'entr'ouvrir pour m'engloutir a jamais; je pose ma tete sur la pierre froide qui devrait calmer la fièvre ardente qui me devore» [«кидаюсь на землю; желаю, чтобы она расступилась и поглотила меня навсегда; опираюсь голову на холодный камень, чтобы утолил он знойный недуг, меня пожирающий...» (с. 21)] Пушкин написал: «Вранье».

Гиперболическая риторика этой фразы воспринималась Пушкиным как нарушение «стройности» метафизического языка, и эти ламентации в духе «Новой Элоизы» Руссо должны были казаться фальшивыми в устах светского соблазителя.

Второй пример любопытен как случай редактирования Пушкиным романа Б. Констана и относится к одному из рассуждений Адольфа о раздвоенности человеческой личности, о которых я говорила выше. В отчеркнутой фразе: «et telle est la bizarrerie de notre coeur miserable que nous quittons avec un déchirement horrible ceux pres de qui nous demeurions sans plaisir» [«Таково своеобразие нашего немощного сердца, что мы с ужасным терзанием покидаем тех, при которых пребывали без удовольствия» (с. 36)] слово «plaisir» (удовольствие) зачеркнуто и на полях написано – «bonheur» (счастье). Эта поправка свидетельствует о требовании точности оттенков смысла.

3

Противопоставление Адольфа героям романов XVIII века, находящееся в предисловии Вяземского («Адольф в прошлом столетии был бы просто безумец, которому никто бы не сочувствовал»), было уже сделано Пушкиным в незаконченном «Романе в письмах» (1829 г.), не напечатанном при жизни Пушкина, но, вероятно, известном Вяземскому: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушки и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?»[37] Таким образом, Пушкин трижды в конце 20-х годов говорит о современности Адольфа: в VII главе «Онегина» (1828 г.), в «Романе в письмах» (1829 г.) и в заметке об Адольфе (1830 г.). Вяземский повторяет это утверждение в предисловии к своему переводу.

Еще одно совпадение мыслей Пушкина и Вяземского об «Адольфе» относится к определению ими жанра и стиля этого романа. Пушкин назвал язык «Адольфа» «светским». Ср. в предисловии Вяземского: «творение сие не только роман сегодняшней (roman du jour), подобно новейшим или гостиным романам...»[38] Как мы видим, Баратынский также назвал роман Констана «светским».

В это время мысль о создании современного «светского» романа или повести очень занимала Пушкина.

В «Романе в письмах», представляющем собою как бы свод литературно-полемиических (и политических) высказываний Пушкина, розданных им всем четверем

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru корреспондентам, автор от лица одной из героинь говорит следующее о романах XVIII века: «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р... Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает». В этом мы узнаем тот метод, которым иногда пользовался сам Пушкин («Рославлев», «Барышня-крестьянка», «Русский Пелам»). Итак, мы видим, что задача создания «светской» повести заключалась для Пушкина (в 1829 г.) в том, чтобы превратить готовую сюжетную схему в конкретное произведение с определенным реальным материалом.

Несомненно, материалом «светских» повестей Пушкина и были его наблюдения над бытом и нравами того общества, в котором он жил после возвращения из Михайловского. Напомним, что в пушкинской литературе существуют указания на автобиографичность «светских» повестей Пушкина 1828–1829 годов.[39] Но это, конечно, не исключает литературных реминисценций.

Самая тема повести «На углу маленькой площади» – адюльтер, и судьба женщины, открыто нарушившей законы света, несомненно указывает на французские традиции.[40]

В заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа» Пушкин, характеризуя героя Б. Констана, приводит XXII строфу (тогда еще не напечатанной) 7-й главы своего «Онегина» и относит «Адольфа» к двум-трем романам,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.
Таким же «сыном своего века» сделал Пушкин и героя отрывка «На углу маленькой площади». Это явствует из следующих сравнений. В плане повести: «Он сатирический, рассеянный». Адольф говорит о себе: «Рассеянный, невнимательный, скучающий». И в другом месте: «Я распустил о себе славу человека легкомысленного и злобного» (т. е. сатирического). Далее Пушкин так характеризует Валериана Волоцкого, в первоначальном наброске названного просто Алексеем: «Он не любил скуки, боялся всяких обязанностей и выше всего ценил свою себялюбивую независимость». Здесь Пушкин имеет в виду также высказывания Адольфа: «Я сравнивал жизнь свою независимую и спокойную с жизнью торопливости, тревог и страданий, на которую обрекала меня страсть ее».[41] К этому следует добавить, что обе эти характеристики относятся к одной и той же ситуации.

Создавая современного героя, «сына века сего» – светского человека, столь же тщеславного и эгоистического, как Адольф,[42] Пушкин заимствовал готовый характер, по-своему объяснив, снизив и разоблачив его согласно с характеристикой героя Б. Констана, данной в 7-й главе «Евгения Онегина». Не случайно на такую возможность намекает Вяземский в предисловии к «Адольфу», как мы видели, отрецензированном Пушкиным: «Автор так верно обозначил нам с одной точки зрения характеристические черты Адольфа, что, применяя их к другим обстоятельствам, к другому возрасту, мы легко выкладываем мысленно весь жребий его, на какую бы сцену действия ни был он кинут. Вследствие того можно бы (разумеется, с дарованием Б. Констана) написать еще несколько Адольфов в разных летах и костюмах».

Но Пушкин не только перенес в свою повесть характер Адольфа, но и поставил Алексея в то же положение, в котором находился герой Б. Констана. Мы знаем, что в ту пору (и никогда ни раньше, ни позже), вероятно в связи с личными обстоятельствами его собственной жизни, проблема Адольфа живо интересовала Пушкина. Памятник этого интереса: лирическое стихотворение 1829–1830 годов «Когда твои молодые лета», столь близкое по теме и по тону к Адольфу, а по ситуации к отрывку «На углу маленькой площади».

То немногое, что известно нам из этого произведения, позволяет утверждать, что при создании этой повести Пушкин использовал сюжетную схему романа «Адольф» и ряд его психологических мотивировок. Показательна, например, разница лет

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru любовников. Она та же в повести Пушкина, что и в романе Б. Констана: Волоцкому – 26 лет, Зинаида – 36. Сравним в «Адольфе»: «Она десятью годами вас старше. Вам 26 лет». Описывая внешность Элленоры, Б. Констан пишет: «Прославленная своей красотой, хотя уже не первой молодости». [43] В первоначальной наброске первой главы пушкинского отрывка: «прекрасная, хотя уже не молодая». Так же как Элленора, Зинаида из-за открытой связи с любимым человеком теряет принадлежавшее ей прежде общественное положение. Эта тема проходит через весь роман Б. Констана; в отрывке повести Пушкина она намечается одной фразой: «Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим высшим обществом». Следует отметить, что в пушкинском экземпляре «Адольфа» слова: «но я слишком страдала, я уже не молода и мнение света мало владычествует надо мною» подчеркнуты. Элленора просит Адольфа позволения принимать его «в убежище, сокровенном посреди большого города». Именно такова ситуация, открывающая повесть Пушкина.

Изложение предыстории, кратко данной во второй главе пушкинского отрывка, [44] очень близко к развитию действия в «Адольфе»: «Граф П. скоро заметил сношения мои с Элленорой» («Адольф») – «** скоро удостоверился в неверности своей жены» («На углу маленькой площади»).

Но наиболее близкое сходство находится в описании разрыва Зинаиды с мужем. Адольф надеется, что Элленора не порвет с графом П., с которым она должна иметь решительное объяснение; далее следует фраза, близкая пушкинскому тексту: «...как вдруг женщина принесла мне записку (un billet), в которой Элленора просила меня быть к ней в такой-то улице, в таком-то доме, в третьем этаже». Адольф идет к Элленоре. «Все расторгнуто, – сказала она мне...» В пушкинском отрывке Зинаида тоже после объяснения с мужем «в тот же день переехала с Английской набережной в Коломну [45] и в короткой записочке [46] уведомила обо всем Волоцкого, не ожидавшего ничего тому подобного...». Непосредственно за этим и в романе Б. Констана и в отрывке повести Пушкина следует весьма важное для объяснения характера обоих героев описание их растерянности по получении этого известия: «я принял ее жертву, благодарил за нее» («Адольф»). «Он притворился благодарным» («На углу маленькой площади»). О самочувствии своих героев Б. Констан и Пушкин говорят почти одно и то же: «Никогда не думал он связать себя такими узами» (Пушкин); «Узы мои с Элленорой», «Ибо узы, которые я влачил так давно» (Б. Констан). В пушкинском экземпляре «Адольфа» отчеркнут конец фразы: «уверенность в будущем, которое должно разлучить нас, может быть неведомое».

Самая ситуация в первой главе пушкинского отрывка может быть объяснена следующей цитатой из романа Б. Констана: «Мы проводили однообразные вечера между молчанием и досадами». Ср. в отрывке повести Пушкина: «Ты молчишь, не знаешь чем заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мне, чтоб со мной побраниться...». [47]

Итак, мы видим, что Пушкин в отрывке повести «На углу маленькой площади» воспроизвел сюжетную схему «Адольфа» (начиная с IV главы романа Б. Констана), окрасив своим отношением характер центрального героя. Волоцкий, во всяком случае, лишен той «декламационной сентиментальности», которая, по выражению одного из французских критиков, характерна для Б. Констана.

Не забудем, что для Пушкина Адольф был байроническим героем («Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона»). Следовательно, разоблачая и сатирически интерпретируя Адольфа, Пушкин тем самым преодолевал байронизм в своих прозаических опытах так же, как в «Евгении Онегине».

Сатирическая оценка психологии центрального героя, конечно, связана у Пушкина с оценкой его социального положения. Это тем более важно отметить, что аналогичные сатирические оценки в романе Б. Констана имеют лишь побочное значение. Социальный смысл сатирической направленности пушкинского отрывка («На углу маленькой площади») вскрывается в теме спора Зинаиды с Волоцким. Тема этого спора – излюбленные пушкинские размышления о новой знати («Аристократия, прервала с усмешкою бледная дама, что ты зовешь аристократиею...»), [48] почти дословно повторяющиеся в двух других «светских» повестях Пушкина. «Что такое русская аристократия?» – спрашивает испанец Минского («Гости съезжались на дачу»); «Ты знаешь, что такое наша аристократия» – пишет Лиза подруге («Роман в письмах»). В Волоцком Пушкин изобразил «потомка Рюрика», [49] который требует уважения от новой знати.

Поэтому Волоцкий и говорит с такой пренебрежительностью о «дочери того певчего».

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Под «дочерью певчего» надо подразумевать, конечно, не дочь какого-нибудь церковного певчего, а представительницу новой знати, столь ненавидимой Пушкиным. Стих «Моей родословной» (1830) «Не пел на клиросе с дьячками», как известно, метит в Разумовских. Их же, между прочим, Пушкин имеет в виду в перечислении: «Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожников, денщиков, певчих и дьячков – спесь герцога Монморанси, первого христианского барона, и Клермон-Тоннера» («Гости съезжались на дачу»). Титул «первого христианского барона» имел глава дома Монморанси. Ср. в «Записках» Ф. Вигеля: «Все сыновья... Кирилла Григорьевича Разумовского были... спесивы и недоступны... и почитали себя русскими Монморанси» (т.1, с. 303). Несмотря на всю эскизность портрета, в графине Фуфлыгиной можно узнать другую представительницу новой аристократии, законодательницу петербургского света гр. М. Д. Нессельроде.[50] Она была личным врагом Пушкина за приписываемую поэту эпиграмму на отца Нессельроде, министра Гурьева. Характеристика, данная Пушкиным гр. Фуфлыгиной, очень близка к отзывам современников о гр. Нессельроде.

Волоцкий называет аристократами «тех, которые протягивают руку графине Фуфлыгиной». См. в мемуарах М. А. Корфа: «Салон графини Нессельроде (...) был неоспоримо первым в С.-Петербурге; попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу... но кто водворился в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг». Фуфлыгина толста. П. А. Вяземский писал А. Я. Булгакову о Нессельроде: «...и плечиста, и грудиста, и брюшиста». Фуфлыгина – взяточница и наглая дура. Впоследствии П. В. Долгоруков вспоминает о Нессельроде: «...женщина ума недалёкого... взяточница, сплетница но отличавшаяся необыкновенной энергиею, дерзостью, нахальством и посредством (...) этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд». [51]

Элементы «злословия», присущие жанру светской повести (см., например, «Пелам» Бульвера), в незаконченных повестях Пушкина функционально изменяются, приобретая резко публицистическую направленность. Таким образом, эти повести могут рассматриваться как иллюстрация программных высказываний Пушкина в его статьях того времени.

Что же касается указаний на автобиографичность «светских» повестей Пушкина и, в частности, отрывка «На углу маленькой площади», то при известной способности Пушкина перевоплощаться в любимого писателя очень легко допустить, что во второй половине 20-х годов светская ипостась Пушкина (которую он с таким старанием отделял от своей творческой личности) воплотилась в светского, скучающего и стремящегося к независимости Адольфа. Ср., например, пушкинский отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» с «Адольфом». [52] Поэтому если в Онегине и Волоцком есть Адольф, то этот Адольф – Пушкин. Этому, конечно, способствовала в особенности автобиографичность самого «Адольфа», которая, подобно автобиографичности «Вертера», должна была наталкивать на мысль о создании произведений автобиографического характера. Сам Б. Констан в предисловии к третьему изданию своего романа писал: «То придает некоторую истину рассказу моему, что почти все люди, его читавшие, говорили мне о себе как о действующих лицах, бывавших в положении моего героя».

4

Итак, мы видим, что Пушкин в конце 20-х годов, решая проблему создания небайронической характеристики современного героя, отчасти опирается на «Адольфа».

Изменение отношения Пушкина к байроническому герою должно быть отмечено уже в «Евгении Онегине».

В пушкинской литературе неоднократно указывалось на сходство Онегина с Адольфом. Из всех убеждающих нас сопоставлений Онегина с Адольфом можно сделать один вывод: «Адольф» был одним из произведений, давших Пушкину скептические и реалистические позиции против Байрона.

Следует отметить, что сходство Онегина с Адольфом возрастает к концу пушкинского романа, и в особенности явственно в 8-й главе (1830). Теперь, когда мы знаем ряд фактов, по-новому освещающих отношение Пушкина к Адольфу, можно с большей уверенностью указать еще несколько довольно существенных совпадений 8-й главы «Онегина» с романом Б. Констана.

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Начну с черновых вариантов: «Свой дикий нрав преодолев» – ср. «Адольф»: «se caractere qu'on dit bizarre et sauvage...» («сей характер, который почитают странным и диким...»). Последний стих XII строфы имел первоначально такой вид:

Заняться чем-нибудь хотел.

Адольф тоже мечтает о деятельности.[53] Кроме того, при сопоставлении 8-й главы с «Адольфом» можно найти более близкие примеры, чем это было сделано до сих пор: барон Т. говорит Адольфу: «Вам 26 лет, вы достигнете до половины жизни вашей, ничего не начав, ничего не свершив». В 8-й главе «Онегина»:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга...

Далее, Адольф говорит: «Я кинул долгий и грустный взгляд на время, протекшее без возврата: я припомнил надежды молодости... мое бездействие давило меня...» (с. 51). Ср. 8-ю главу: «Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана...» Есть сходство и в самой ситуации, которую представляет нам 8-я глава, с началом романа Б. Констана.

Родственник героя, граф П., в подругу которого влюблен Адольф.

Адольф, желая увидеть Эленору, поминутно смотрит на часы – «Онегин вновь часы считает, вновь не дожидаясь дня конца!».

«Наконец пробил час, когда Адольфу нужно было ехать к графу».

«Но десять бьет...»

Адольф чувствует трепет, приближаясь к Эленоре.

«Он с трепетом к княгине входит».

Но всего примечательнее то, что в 8-й главе светский денди Онегин неожиданно становится таким же застенчивым и робким, как Адольф, когда он оставался наедине с Эленорой.

Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает.

Здесь Пушкин очень близко повторяет Б. Констана: «*tous mes discours expiraient sur mes levres*».

Онегин, так же как Адольф, не решается на объяснение и посылает письмо. Для этого письма Пушкин черпает из «Адольфа» целый ряд формул и таким образом прибегает к «Адольфу» для создания языка любовных переживаний:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Ср. у Констана: «*Je n'ai plus le courage de supporter un si long malheur mais je dois vous voir s'il faut que je vive*».[54]

Адольф, пославший первое любовное письмо Эленоре, боялся угадать в ее улыбке след какого-то презренья к нему. Ср. в «Письме Онегина»:

Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!

«Чего хочу?» – восклицает Онегин. «*Qu'est-ce que j'exige?*» – спрашивает Адольф в объяснении с Эленорой (гл. III). В том же объяснении с Эленорой Адольф говорит: «Напряжение, которым одолеваю себя, чтобы говорить с вами несколько спокойно, есть свидетельство чувства для вас оскорбительного» – и просит Эленору не наказывать его за то, что она узнала тайну (т. е. его любовь). Это место отчеркнуто в пушкинском экземпляре «Адольфа». Ср. в «Письме Онегина»:

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объяснение.

Выражение «милая привычка», дважды употребленное Пушкиным в любовных объяснениях[55] и между прочим в «Письме Онегина» – «Привычке милой не дал ходу», находится все в том же объяснении Адольфа с Эленорой («Vous avez laissé naître et se former cette douce habitude»).[56]

И, наконец, письмо Адольфа к Эленоре (гл. III), вторая половина которого в пушкинском экземпляре «Адольфа» перечеркнута карандашной линией (от слов «Tout pres de vous» и до конца), содержит одно место, очень близкое к «Письму Онегина», написанному 3 октября 1831 года.[57]

Желать обнять у вас колени

И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор...

...lorsque j'aurais un tel beso in de me reposer de tant d'angoisses, de poser ma tête sur vos genoux, de dormir un libre cours a mes larmes, il faut que je me contraigne... (гл. III).[58]

Все эти сопоставления должны рассматриваться как перенесение Пушкиным из «Адольфа» в «Евгения Онегина» психологической терминологии любовных переживаний.

5

Жанровые эксперименты, характеризующие работу Пушкина в конце 20-х годов, идут по самым разным линиям.

Теперь уже можно говорить, что именно в конце 20-х годов Пушкин работал над жанром своих маленьких романтических трагедий. И очень примечательно, что параллельное использование Байрона и Б. Констана мы находим также и в одной из этих трагедий – в «Каменном госте».

Таким образом, «Адольф» был использован Пушкиным еще по одной линии его жанровых исканий. С одной стороны, сатирический роман «Евгений Онегин», с другой – психологическая повесть «На углу маленькой площади», с третьей романтическая трагедия «Каменный гость».

Выше отмечено совпадение «Письма Онегина» («Я знаю: век уж мой измерен...») с текстом «Адольфа». Тот же текст был заимствован Пушкиным для «Каменного гостя». Любопытна и не очень обычна для Пушкина форма этого заимствования. Обыкновенно в пушкинских заимствованиях источник подвергается некоторой переработке и дальнейшему развитию. Здесь же мы видим почти дословный перевод. Пушкин вкрапляет цитату из «Адольфа» в текст своей трагедии. Эта цитата находится в III сцене «Каменного гостя», в объяснении в любви Дон Гуана; уже начало реплики Дон Гуана на слова Доны Анны: «Я слушать вас боюсь»

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому наш вид одна отрада,
довольно близко к «Адольфу»: «чем заслужил я лишения сей единственной отрады» (Адольф говорит о запрещении видеть Эленору).[59] Затем в «Каменном госте» следует цитата из «Адольфа»:

Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Je n'espere rien, je ne de mande rien, je ne veux que vous voir; mais je dois vous voir s'il faut que je vive.[60]

Лучший комментарий к этому месту дал сам Пушкин в «Арапе Петра Великого» (1827): «Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает женское сердце вернее всех расчетов обольщения». Ср. с этой авторской ремаркой в «Арапе Петра Великого» следующее место в той же сцене «Каменного гостя»:

Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце...

После этого понятно, что тронутая любовью без надежд и требований Дона Анна

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru отвечает:

Завтра

Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье. [61]
Я вас приму – но вечером – позднее.

Эти слова перенесены Пушкиным из предыдущей (II) главы «Адольфа», где на требование Адольфа принять его «завтра в 11 часов» Эленора отвечает: «Je vous recevrai demain, mais je vous conjure...» («Я вас приму завтра, но заклинаю вас...»). Эленора не кончает фразы, потому что боится быть услышанной присутствующими, но по смыслу фраза ее не могла иметь иного окончания. Пушкин договаривает за Констана.

Столь же несомненна близость к «Адольфу» слов Дон Гуана о тайне (т. е. любви своей), которую он нечаянно выдал:

Случай, Дона Анна, случай

Увлек меня, не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Адольф просит Эленору «удалить воспоминание о минуте исступления: не наказывать меня за то, что вы знаете тайну, которую должен был заключить я во глубине души...». Эта фраза, как было отмечено выше в связи с «Письмом Онегина», отчеркнута в пушкинском экземпляре «Адольфа». [62]

Дон Гуан, так же как Адольф, начинает с угрозы самоубийства: «О пусть умру сейчас у ваших ног» («Каменный гость»); «Я сейчас еду... пойду искать конца жизни» («Адольф»).

В начале IV сцены Дон Гуан говорит:

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной...

Все в той же III главе «Адольфа» читаем: «Потребность видеть ту, которую любил, наслаждаться ее присутствием владела мной исключительно». Перед этим Адольф говорит, что в его «душе уже не было места ни расчетам, ни соображениям», и он «признавал себя влюбленным добросовестно, истинно» (гл. III).

А в письме Адольфа к Эленоре, цитированном выше в связи с письмом Онегина, читаем: «А если бы я встретил вас ранее, вы могли бы быть моею». Ср. IV сцену «Каменного гостя»: «Если б прежде вас узнал...» Самое отношение Дон Гуана к Доне Анне, ни в коем случае не восходящее к традициям классических Дон Жуанов, обычно истолковывается двояко: либо Дон Гуан романтически влюблен в Дону Анну, но в таком случае психологически мало правдоподобен тот циничский и слегка пренебрежительный тон, которым он говорит о Доне Анне в ее отсутствие; либо вдохновенная искренность его слов лишь умелая игра, но этому толкованию в свою очередь противоречат слова Дон Гуана («Я гибну – кончено – о Дона Анна!»), произносимые им в момент гибели, когда притворяться было уже незачем.

Поведение Дон Гуана, как мне кажется, находит свое психологическое обоснование, если мы сопоставим Дон Гуана, соблазняющего Дону Анну, с Адольфом, соблазняющим Эленору. Адольф говорит о себе: «Кто бы стал читать в сердце моем в ее отсутствии, почел бы меня соблазнителем холодным и мало чувствительным. Но кто бы увидел меня близ нея – тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного» (с. 12).

Таким образом, исторический персонаж пушкинской трагедии приобретает психологический облик современного светского соблазнителя Адольфа, [63] героя того романа, о котором Пушкин в 1830 году вспоминает в связи с «жгучими чтениями своих юных лет» и с героиней которого Пушкин сравнивает свою корреспондентку.

В связи с модернизацией характера Дон Гуана в «Каменном госте» интересно отметить, что один важный исторический эпизод пушкинской трагедии тоже имеет источник не исторического характера. Я имею в виду воспоминания Дон Гуана о своей ссылке. Место ссылки Дон Гуана на основании текста Пушкина не может быть указано хоть сколько-нибудь точно. Вопрос проясняется лишь из сопоставления с источником: «Дон Жуаном» Байрона. У Байрона Жуан приезжает в Англию (песнь X). Первое, что он замечает, это дым, окутывающий Лондон: «The sun went down, the

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru smoke rose up» («Солнце опускалось, дым поднимался»). Ср. в «Каменном госте»: «а небо точно дым». В XII песне Байрон называет Англию: «the shore of white cliffs, white necks, blue eyes» (т. е. страной белых утесов, белых шей, синих глаз). Чужестранки в «Каменном госте» СНАЧАЛА нравились Дон Гуану: «Глазами синими да белизною». Жуану они сначала не нравились («At first he did not think the women pretty»), потому что новинки меньше нравятся, чем впечатляют («That novelties please less than they impress»). Ср. в «Каменном госте»: «а пуще новизною». Есть в той же песне байроновского «Дон Жуана» и сравнение англичанки с андалузской девушкой: «She cannot step as does an Arab barb Or Andalusian girl from mass returning» («Она не может ступить как арабский конь иль андалузская девушка, возвращающаяся с мессы»). Ср. в «Каменном госте»:

А, женщины? Да я не променяю

.....

Последней в Андалузии крестьянки

На первых тамошних красавиц, – право.

Эта строфа «Дон Жуана» находится через одну от той, где Байрон говорит о русских, бросающихся из горячей бани прямо в снег. К этому месту Байрон сделал следующее примечание: «Русские, как общеизвестно, бегут из горячей бани, чтобы охнуться в неву...» Об упоминаниях в байроновских поэмах русских обычаев Пушкин писал в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях» («Северные цветы на 1828 г.»).

После всех этих сопоставлений трудно рассматривать «Каменного гостя» как историческую трагедию. Она не может рассматриваться и только как решение проблемы изображения общечеловеческих страданий. Выясняется автобиографичность и современные ноты «Каменного гостя».

Итак, мы видим, что Пушкин, решая совершенно разные литературные задачи («Евгений Онегин», «Каменный гость», «На углу маленькой площади»), несколько раз обращался к «Адольфу», но всякий раз для того, чтобы психологизировать свои произведения и придать им ту истинность (правдоподобие), которую отмечали в «Адольфе» все его читатели начиная с Сисмонди и кончая Полевым. Здесь я еще раз приведу цитаты из предисловия вяземского (как мы видели, отредактированного Пушкиным), проясняющие взгляд Пушкина и его современников на «Адольфа» как на произведение, в котором они узнавали подлинную жизнь: «Вся драма в человеке, все искусство в истине». «Во всех наблюдениях автора так много истины». «Женщины вообще не любят Адольфа, т. е. характера его, и это порока в истине его изображения». «Романист не может идти по следам Платона и импровизировать республику. Каковы отношения мужчин и женщин в обществе, таковы должны они быть в картине его. Пора Малек-Аделей и Густавов миновалась». [64] «Трудно в таком тесном очерке, каков очерк „Адольфа“, в таком ограниченном и, так сказать, одиноком действии более выказать сердце человеческое, перевернуть его на все стороны, выворотить до дна и обнажить наголо во всей жалости и во всем ужасе холодной истины».

То, о чем говорит Вяземский, конечно, еще не реализм в смысле литературной школы, но уже то, что в «Адольфе» узнавали действительность и противопоставляли его истинность, т. е. правдоподобие, «мечтательной Аркадии романов» баронессы Криденер и романов, написанных почти одновременно с «Адольфом» («Валерия» Криденер 1803 г. и «Матильда» Коттен 1805 г.), доказывает, что для Пушкина роман Б. Констана уже подступ к реализму. [65]

Поэтому сопоставление «Адольфа» с произведениями Пушкина вплотную подводит к принципиальным вопросам, связанным с проблемой реализма в творчестве Пушкина.

КОММЕНТАРИИ (Э. Г. ГЕРШТЕЙН)

Впервые – Временник Пушкинской комиссии т. I, М.–Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 91–114.

В 1958–1959 гг. Ахматова, готовя сборник своих статей о Пушкине, намеревалась перегруппировать материал, в частности перенести 5-ю главку настоящей статьи в переработанную статью о «Каменном госте». Для этой цели последняя главка «Адольфа» «... была сокращена и отчасти заново отредактирована. Некоторые стилистические исправления Ахматова внесла и в другие главки. Ввиду того, что переработка статьи о „Каменном госте“ не доведена до конца, начатая правка „Адольфа“...» в основном тексте – не учитывается.

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
В 1959 г. Ахматова так писала о своей статье: «Когда в 1936 году моя статья об „Адольфе“ была уже написана, а пушкинисты в последний раз сплошь читали черновики поэта для юбилейного издания 1937 года, оказалось, что Пушкин своей рукой написал в предполагаемом предисловии (год?) к „Онегину“: меня многие упрекали за сходство моего Онегина с Адольфом (или что-то в этом роде). Затем зачеркнул АДЛЬФ и написал ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД (черновик предисловия 1825 г.), хотя, как известно, Гарольд нигде не описан как светский человек, а только как скиталец, довольно быстро надоедает своему автору, который без всяких колебаний занимает его место.

Итак, без ложной скромности скажу, что все мои наблюдения над Онегиным – Адольфом оказались правильными, что подтвердил сам автор „Евгения Онегина“... Конечно, если бы это предисловие к „Онегину“ было разобрано раньше, я едва ли бы занималась этой темой, потому что такая деятельность напоминает выражение – ломиться в открытые двери» (ГПБ).

В архиве Ахматовой (ГПБ) сохранилась также черновая заметка (карандаш, на бумаге 30-х годов) «Примечание к статье об Адольфе». Несмотря на незавершенность, оно представляет интерес, так как вскрывает связь между «Онегиным» и «Езерским»:

«Пушкин еще раз вспомнил об „Адольфе“, чтобы отречься от него, так же как от других героев, пленивших воображение поэта в молодости. Я имею в виду черновики поэмы „Езерский“. В строфе (XV) Пушкин отрекается от романтических героев, говоря о Езерском:

Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон – даже не цыган,
А человек обыкновенный...

{Последняя строка у Пушкина „А просто гражданин столичный“, но в черновых вариантах есть строка: „Хоть малой он обыкновенный“. – Э. Г.)

В рукописи Пушкина перечисление этих романтических героев гораздо обширнее, все они реальные литературные персонажи (не Чайльд Гарольд, не чернокожничка молодой – т. е. Манфред или Мельмот, не убийца – т. е. Ж. Сбогар и т. д.). Очевидно, перед Пушкиным мелькали эти герои и он тотчас же заносил их краткие характеристики на бумагу. Среди этих характеристик есть одна, на которой нам следует остановиться:

Езерский: „Не белокурый мизантроп“ – ср. в 8-й главе „Онегина“ строфа XII:

Или печальным сумасбродом.

При интересе Пушкина к Констану очень трудно допустить, чтобы внешность автора „Адольфа“ осталась неизвестной Пушкину. Греч, декабрист Волконский и А. И. Тургенев лично знали Б. Констана. В статье „Французские ораторы“, переведенной Гречем из иностранного журнала 1820 года, сказано следующее: „Б. Констан отличается тем, что светло-русые волосы его извиваются в длинных локонах; сказывают, что он носит эту прическу для воспоминания о приключениях страстной бурной юности своей, что какая-то Коринна любила разглаживать эти локоны своими нежными пальцами“.

К изданию „Collection des ouvrages“ Констана 1818 года приложен портрет автора именно в такой прическе. Другое определение отвергаемого Пушкиным героя – мизантроп. О мрачности характера Б. Констана – Адольфа свидетельствует роман...»

Примечания

1

Н. П. Дашкевич (сб. «Памяти Пушкина», Киев, 1899, с. 184–195); Н. О. Лернер (газета «Речь», 1915, 12 января); Н. Виноградов («Пушкин и его современники», вып. XXIX, Пг., 1918, с. 9–15).

2

См.: «Causeries du Lundi», t. XI. Paris, 1868, p. 432–433.

3

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
The Life, Letters and Journals of Lord Byron, by Thomas Moore. London, 1830, p.
309.

4

«Остафьевский архив князей Вяземских», т. I. СПб., 1899, с. 60.

5

В 70-х годах П. А. Вяземский, вспоминая это время, писал: «Мы были учениками и последователями преподавания, которое оглашалось с трибуны и в политической полемике такими учителями, каковы были Бенжамен Констан, Ройе-Коллар и многие другие сподвижники их» (Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1886, с. 292). Карамзин, Тургеневы, Вяземские читали «La Minerve Française» – политический журнал Б. Констана. О влиянии на Пушкина политических взглядов Б. Констана см. в статьях Б. В. Томашевского: «Французские дела 1830–1831 гг.» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово (1827–1832)», Л., 1927), «Из пушкинских рукописей» («Литературное наследство», т. 16–18. М., 1934, с. 284, 286, 288). В предисловии к своему переводу «Адольфа» Вяземский делает попытку связать роман с политическими трактатами Б. Констана. Вяземский говорит о Констане следующее: «Автор „Адольфа“ силен, красноречив, язвителен, трогателен... Как в создании, так и в выражении, как в соображениях, так и в слоге вся сила, все могущество его – в истине. Таков он в „Адольфе“, таков на ораторской трибуне, таков в современной истории, в литературной критике, в высших соображениях, духовных умозрениях, в пылу политических памфлетов» (указ. соч., Приложение, с. X). О влиянии на декабристов политических трактатов Б. Констана см. в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909) по указателю.

6

Вяземский в предисловии «От переводчика» пишет, что в автобиографической исповеди Констана видели «отпечаток связи автора с славною женщиною, обратившею на труды свои внимание целого света» (указ. соч., Приложение, с. V).

7

«Рукою Пушкина». М. – Л., «Academia», 1935, с. 184.

8

«Старина и новизна», 1902, кн. 5, с. 47. Очевидно сходство этого отзыва об «Адольфе» с определением языка «Адольфа» в пушкинской заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа». Вероятно, Вяземский сообщил Баратынскому содержание этой заметки (тогда еще не вышедшей).

9

В этом предисловии Вяземский пишет: «Любовь моя к „Адольфу“ оправдана общим мнением» (указ. соч., Приложение, с. V). Последний абзац предисловия Б. Констана к третьему изданию «Адольфа» Вяземский вовсе не перевел. Вероятно, он поступил так потому, что в этом месте Б. Констан, отрекаясь от «Адольфа», пишет: «Публика, вероятно, его забыла, если когда-нибудь знала». Эта фраза Б. Констана противоречит утверждению Вяземского об «Адольфе» как о повести, «так сильно подействовавшей на общее мнение» (указ. соч., Приложение, с. VI), кроме того, она могла повредить «Адольфу» в глазах русского читателя.

10

«Русский архив», 1895, № 2, с. 110. По экземпляру «Адольфа», принадлежавшему Е. М. Хитрово, Плетнев сверял перевод Вяземского.

11

«Звенья», т. 9. М., 1951, с. 175.

12

«На днях я с удовольствием прочел роман знаменитого Бенжамена Констана „Адольф“.

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
В нем разобраны сплетения человеческого сердца и изображен человек нынешнего века с его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками».

13

«Московский телеграф», 1831, ч. 37, №№ 1–4. Судя по рецензии («Московский телеграф», 1831, ч. 41, с. 231–244) на перевод Вяземского, Полевой был знаком с французскими критическими статьями об «Адольфе». В рецензии на перевод «Адольфа» Булгарин писал: «Достоинство „Адольфа“ давно уже оценено как самим автором, так и всеми людьми с очищенным вкусом» («Северная пчела», 1831, № 273).

14

См.: С. И. Родзевич. Предшественники Печорина во французской литературе. Киев, 1913.

15

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1. М., 1888, с. 307308.

16

Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, № 813.

17

Пушкин упоминает имя Б. Констана также в черновике V строфы 1-й главы «Онегина». Онегин мог вести спор «O Benjamin...» (VI, 217). Тургенев и Вяземский в 1817–1818 гг. часто называют Констана просто Benjamin (см. «Остафьевский архив...», т. I).

18

Воздействие Шатобриана на Пушкина – факт установленный. «Мельмота» Пушкин назвал «гениальным произведением Матюрена». На поиски имени Констана в черновиках «Евгения Онегина» навел меня Д. П. Якубович.

19

«Литературная газета», 1830, т. 1, № 1, с. 8 (XI, 87).

20

Предисловие к переводу «Адольфа» (с. VII). Это, однако, неверно: «Адольф» вышел в 1815 г., т. е. после двух песен «Чайльд Гарольда» (1812), «Гяура» (1813), «Абидосской невесты» (1813) и «Лары» (1814), и Байрон прочел «Адольфа» только летом 1816 г. Заблуждение Пушкина и Вяземского объясняется, вероятно, тем, что они прочли «Адольфа» раньше, чем узнали Байрона. Впрочем, они могли знать из журналов или от лиц, знавших Констана, что «Адольф» написан задолго до выхода его в свет. Полевой в крайне враждебном отзыве («Московский телеграф», 1831, ч. 41, с. 231–244) о переводе Вяземского, отмечая эту хронологическую ошибку, говорит, что она доказывает неверность «истин услышанных, а не почувствованных». Этим он, конечно, намекает на то, что Вяземский повторил слова Пушкина. Как известно, Пушкин узнал Байрона около 1820 г. Первое упоминание о Байроне в переписке Тургенева с Вяземским относится к 1819 г.

21

«А я между тем пришлю Вам на днях два приложения к переводу моему: письмо к Пушкину и несколько слов от переводчика», – писал Вяземский Плетневу 12 января 1831 г. (Известия Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук, 1897, т. II, кн. 1, с. 92). Посвящение помечено: «Село Мещерское (Саратовской г.). 1829 года». Этой пометой Вяземский, по-видимому, хотел установить первенство своего перевода.

22

В «Старой записной книжке» Вяземского отмечено 16 июня 1830 г.: «То ли было дело теперь пересмотреть мне моего „Адольфа“, написать предисловие к переводу».

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru июля: «Перечитывал несколько глав перевода „Адольфа“». 25 июля: «Сегодня кончил я мой пересмотр „Адольфа“». 24 декабря: «Вот и Benjamin Constant умер; а я думал послать ему при письме мой перевод „Адольфа“. Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик».

23

В цитированном выше письме Вяземский торопит Плетнева: «Мой Адольф пропал без вести, а между тем Полевой, всегда готовый на какую-нибудь пакость, печатает своего Адольфа в Телеграфе. Была ли моя рукопись в цензуре?» До какой степени Вяземский был раздражен поведением Полевого, доказывает следующая странная его просьба: «Поверьте с моим переводом перевод Телеграфа. Помилуй боже и спаси нас, если будет сходство. Я рад все переменить, хоть испортить – только бы не сходиться с ним». В письме от 31 января Вяземский повторяет эту просьбу.

24

19 января 1831 г. (в записке с известием о смерти Дельвига). Пушкин мог и лично передать Вяземскому свои замечания. Они виделись 25 и 26 января 1831 г. (см.: Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, с. 235). 31 января Вяземский послал Плетневу с Толмачевым посвящение и предисловие, переписанные рукой В. Ф. Вяземской и получившие санкцию Пушкина («Несколько писем кн. П. А. Вяземского к П. А. Плетневу». – Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, 1897, т. II, кн. 1). В комментарии Н. К. Козмина к заметке Пушкина об «Адольфе» (Соч. Пушкина, Изд-во АН СССР, т. 9, ч. II. Л., 1929, с. 163, прим.) ошибочно указано, что Вяземский послал Пушкину на просмотр весь перевод романа Б. Констана.

25

Упомянутый комментарий к заметке об «Адольфе».

26

Булгарин, цитируя это место, иронически прибавил: «вероятно, не знающих французского языка» («Северная пчела», 1831, № 274).

27

Известно, что «метафизическим» Пушкин называл язык, способный выражать отвлеченные мысли. Однако когда Пушкин говорит о метафизике характера Нины Баратынского или о метафизическом языке «Адольфа», то, очевидно, имеет в виду психологизм этих произведений. В таком же смысле Вяземский называет «Адольфа» представителем «светской, так сказать практической метафизики века нашего» (предисловие к переводу «Адольфа»).

28

«Остафьевский архив...», т. II. СПб., 1899, с. 280.

29

«У нас не то, что в Европе, – повести в диковинку», – писал Пушкин Погодину 31 августа 1827 г. и еще в 1831 г.: «В прозе мы имеем только „Историю Карамзина“. Первые два или три романа появились два или три года тому назад» («Рославлев»).

30

«Старина и новизна», 1902, кн. 5, с. 50. Курсив мой. – А. А.

31

Вяземский писал, что хотел «изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному» (предисловие к переводу «Адольфа»). На необработанность русского языка жалобы очень часто встречаются в «Записной книжке» Вяземского, напр.: «У нас жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения. Как, например,

«Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru выразить по-русски понятия, которые возбуждают в нас слова: naïve, sérieux. Чистосердечный, простосердечный, откровенный, все это не выражает значения первого слова; важный, степенный не выражает понятия, свойственного другому; а потому и должны мы поневоле говорить наивный, серьезный. Последнее слово вошло в общее употребление. Нельзя терять из виду, что западные языки – наследники древних языков и их литератур, которые достигли высшей степени образованности и должны усвоить все краски, все оттенки утонченного общежития. Наш язык происходит, пожалуй, от благородных, но бедных родителей, которые не могли оставить наследнику своему... литературы утонченного общества, которого они не знали. Славянский язык хорош для церковного богослужения. Молиться на нем можно, но нельзя писать романы, политические и философские рассуждения». Приблизительно в то же время (1830) Пушкин называет метафизическими стихи Вяземского: «Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических» (курсив мой. – А. А. См. «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой»).

32

«Corinne», livre VII, ch. 1. «De la littérature italienne». Об отсутствии у русских языка, способного выражать отвлеченные идеи, де Сталь писала в книге «Dix années d'exil». См. об этом в статье Б. В. Томашевского «„Кинжал“ и m-me de Stael» («Пушкин и его современники», вып. XXXVI. Пг., 1923).

33

Например: «Почти всегда, когда мы хотим быть в ладу с собою, мы обращаем в расчеты и правила свое бессилие и свои недостатки. Такая уловка в нас удовольствует ту половину, которая, так сказать, есть зритель другой» (с. 12). (Здесь и далее цитаты из «Адольфа» на русском языке даются по переводу П. А. Вяземского: Полн. собр. соч., т. 10, Приложение. СПб., 1886, с указанием страницы.)

34

«В этой потребности было, несомненно, много суетного, но не одна была в ней суетность; может статься, было ее и менее, нежели я сам полагал» (с. 7).

35

«Я успел приневолить себя и заключил в груди своей малейшие признаки неудовольствий, и все способы ума моего стремились созидать себе искусственную веселость, которая могла бы прикрывать мою глубокую горесть. Сия работа имела надо мною действие неожиданное. Мы существа столь зыбкие, что под конец ощущаем те самые чувства, которые сначала выказывали из притворства» (с. 42).

36

De Stendhal. Rome, Naples et Florence. Запись 4 января. Этот отзыв Стендаля об «Адольфе» был, вероятно, известен Вяземскому, который в 1833 г. писал А. И. Тургеневу: «Я Стендаля полюбил с „Жизни Россини“» («Остафьевский архив...», т. III. СПб., 1899, с. 233). «La vie de Rossini» появилась в 1823 г., 3-е изд. «Rome, Naples...» – в 1826 г.

37

Это говорит представительница высшего петербургского общества, из чего следует, что ее идеалом был Адольф. В том же «Романе в письмах» сцена встречи влюбленных среди многочисленного общества очень напоминает такое же описание в «Адольфе» (гл. II). В «Дубровском» (1832) описание поведения «светского человека» кн. Верейского в гостях у Троекурова также восходит к «Адольфу»: «Князь был оживлен ее, присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами». Ср. в «Адольфе»: «Я... испытывал тысячу средств привлечь внимание ее. Я наводил разговор на предметы для нее занимательные... я был вдохновен ее присутствием: я добился до внимания ее...» (с. 16).

38

Можно указать, какие романы Вяземский называл «гостинными». «Прочел я „Le Moqueur

«Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова ahmatovaanna.ru *amougeux*“ роман Sophie Gay: слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостиней» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 9. СПб., 1884, с. 126, запись 6 июля 1830 г.). «Прочел я и „Granby, roman fashionable“. В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостиней в гостиную» (там же, с. 142). Полевой в уничтожающем разборе перевода Вяземского писал, что «роман Б. Констан верный список с невымышленной сцены света – не боле» («Московский телеграф», 1831, ч. 41, с. 535).

39

Путеводитель по Пушкину (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 6. М.-Л., 1931).

40

Датировка этого отрывка представляет некоторые затруднения: план повести (тетрадь № 2282, л. 23 об.) находится среди черновиков «Гасуба» и рядом со стихотворением «Поедем, я готов» (24 декабря 1829 г.). Черновик начала 1-й главы находится в бывшем «Онегинском собрании». Он написан на двух листах с жандармскими цифрами (64 и 76). Как установлено Л. Б. Модзалевским, эти листы вырваны самим Пушкиным из тетради № 2371, в которой находится (почти примыкающее к онегинскому черновику) продолжение 1-й и известная нам часть 2-й главы (лл. 86, 87, 88, 89). Они не могли быть написаны раньше лета 1830 г. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и романы французских романтиков. – «Литературное наследство», т. 16–18, с. 947). В тетради № 2286 находится (лл. 13 и 50) перебеленный текст 1-й главы с пометой «24 февраля», как указал мне Г. О. Винокур. Обе рукописи носят на себе следы нескольких слоев работы. Все это говорит за то, что Пушкин писал этот отрывок с перерывами: начал его в 1830 г. (или даже в последние дни 1829 г.), а в 1832 г. 24 февраля переписал (поправляя), очевидно намереваясь продолжать его.

41

Эпиграф 1-й главы: «Ваше сердце губка, напитанная желчью и уксусом», – конечно, служит дополнительной характеристикой героя. Примечательно также, что фраза: «В эти минуты надобно мне сидеть дома...» имела первоначально такой вид: «В эти минуты надобно мне сидеть дома и не досаждать тебе моей хандрой».

42

«Я находил в этом роде успехов наслаждение самолюбия» (с. 65), говорит Адольф о своих светских успехах. «Вы увидите его в обстоятельствах различных и всегда жертвою сей смеси эгоизма и чувствительности, которые сливались в нем» (с. 81). В 1836 г. Пушкин писал: «Нынешние (писатели) любят выставить порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческого обретают только две струны: эгоизм и тщеславие». Отсюда понятно, почему в конце 20-х годов Пушкин считал Адольфа современным героем.

43

Предшественница Зинаиды в творчестве Пушкина – гр. Леонора Д. в «Арапе Петра Великого», которая «была не в первом цвете лет, но славилась еще своею красотой».

44

В рукописи 2-я глава начинается зачеркнутой фразой: «Зинаида им овладела». Очевидно, Пушкин первоначально предполагал более подробно изложить предысторию. В «Адольфе» приведенной фразе соответствуют следующие места: «Я был только человек слабый, признательный и поработанный...», «Я покорился ее воле» (с. 33, 34).

45

Первоначально было: «На Васильевский остров». То и другое соответствует третьему этажу в «Адольфе».

46

«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Первоначально было: «оттуда послала Волоцкому страничку». У Констана: billet, т. е. листик, письмецо, записка.

47

См. также: «Она никогда не отпускала меня, не старавшись удержать» («Адольф»), «– Ты уже едешь? – сказала дама с беспокойством. – Ты не хочешь здесь отобедать? – Нет, я дал слово. – Обедай со мною, продолжала она ласковым и робким голосом» («На углу маленькой площади»).

48

Тетрадь № 2371, л. 68 (VIII, 728).

49

Самая фамилия героя пушкинского отрывка раскрывает его социальную позицию. Кн. Волоцкие – угасший в пушкинское время род, ведший свое происхождение от Рюрика и владевший гор. Волоком Камским или просто Волоком. Пушкин, так живо интересовавшийся своей родословной, конечно, знал древние русские роды и в том же 1830 г. упоминает о прекращении многих из них: «Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожались...» (см. также: «Мне жаль, что нет князей Пожарских, что о других пропал и слух». – «Езерский»). В подготовительных заметках к «Борису Годунову» (VII, 289) Рюриковичи выписаны из Карамзина: «Князя Рюр пл Шуйский, Сицкий, Воротынской, Ростовский, Телятееский а пр.»; некоторые из них названы в самой трагедии: Шуйский, Воротынский, Сицкий, Шастуновы (также Курбский – «великородный витязь». Ср. в 10-й главе «Евгения Онегина»: «Но виршеплет великородный» о кн. Долгорукове), фамилия Сицких повторена в «Езерском»: «И умер, Сицких пересев». В «Арапе Петра Великого» Ржевский, про которого сказано, что он происходил от древнего боярского рода, его тесть Лыков; предполагаемые женихи Ржевской – Львов, Долгоруков, Троекуров, Елецкий (о происхождении Елецких Пушкин писал в отрывке «Несмотря на великие преимущества», 1830). Снова Ржевская в плане повести «О стрелце и боярской дочери». Конечно, не случайно многие герои пушкинских и неисторических произведений 1829–1834 гг. носят фамилии Рюриковичей, в XIX в. уже не существовавшие или которые можно было назвать, не задевая никого, как напр. Елецкий. Минский, гусар-аристократ («Станционный смотритель»), и Минский («Гости съезжались на дачу»), сам рекомендуемый Рюриковичем, разоряющийся англоман Муромский («Барышня-крестьянка»), кн. Горский (черновик «На углу маленькой площади»), снова Троекуров («Дубровский»), о котором сказано, что он был знатного рода, и кн. Верецкий (там же), и кн. Елецкая («Пиковая Дама») поименованы в «Российской родословной книге» Долгорукова как ведущие род от Рюрика. Упоминает Пушкин и фамилии, произошедшие от его пращур Радши, – см. пушкинскую «Родословную Пушкиных и Ганнибалов»: Бутурлин – один из гостей Шуйского, и Бутурлин, оспаривающий вместе с Долгоруком Петра в сенате («Арап Петра Великого»), и московская барыня Поводова («Роман на кавказских водах»). От Радши – и упоминаемый в «Борисе Годунове» московский дворянин Рожнов. Таким образом, мы видим, что семантика этих фамилий дает дополнительный материал для постановки вопроса об отношении Пушкина к старой знати.

50

Ни в черновике б. «Онегинского собрания», ни в продолжении пушкинского отрывка в тетради № 2371 Фуфлыгина не упоминается. Вероятно, этот персонаж введен Пушкиным только в 1832 г. при переписке повести (тетрадь № 2386): за это говорят и поправки в этом месте рукописи. В 1832 г. Пушкин жил в Петербурге, и его отношение к гр. Нессельроде уже определилось. О столкновении Пушкина с Нессельроде рассказывает Нащокин. Столкновение это, по-видимому, относится к началу 30-х годов (см.: П. И. Бартенев. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851–1860 годах. М.–Л., 1925, с. 42, 111).

51

П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., «Север». 1934, с. 207.

52

«Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Через один абзац от написанного Пушкиным на полях «Адольфа» слова «bonheur» (счастье) следуют рассуждения Адольфа о своей независимости и сожаление о предстоящей потере ее: «Я сравнивал жизнь свою независимую и спокойную с жизнью торопливости, тревог и страданий... Мне так было любо чувствовать себя свободным, идти, придти, отлучиться, возвратиться, не озабочивая никого» (с. 36). У Пушкина (1830): «...я жертвую независимостию, моей беспечной, прихотливой независимостию (...) Утром встаю, когда хочу, принимаю, кого хочу...»

53

«Я сетовал не об одном поприще: не покусившись ни на одно, я сетовал о всех поприщах» (с. 51); «Я ощущал в себе живейшее нетерпение приобрести снова в отечестве и в сообществе мне равных место, принадлежавшее мне по праву» (с. 52).

54

«Я уже не имею достаточной бодрости для перенесения столь продолжительного несчастья... но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (с. 18).

55

Н. П. Дашкевич отметил, что «Письмо Онегина к Татьяне» напоминает некоторыми мыслями объяснение Адольфа с Элленорой (см. гл. III), но не привел примеров этого сходства, важного, как мы дальше увидим, в связи с «Каменным гостем».

56

«Вы дали возникнуть (созреть) сей сладостной привычке» (с. 18). Ср. в «Метели»: «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно». Пушкин отсылает читателя к «Новой Элоизе» Руссо («Мария Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux»). Однако и в первом письме St. Preux нет выражения «милая привычка».

57

Незадолго до этого, по-видимому в сентябре, вышел «Адольф» Вяземского. В «Трудах и днях Пушкина» ошибочно указано Н. О. Лернером, что перевод Вяземского вышел в марте 1831 г. (Н. О. Лернер, указ, соч., с. 238). (Первая часть тиража вышла в начале июня, весь тираж в ноябре. См.: М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Л., «Наука», 1969, с. 182.)

58

«...Когда мне было бы так нужно отдохнуть от стольких сотрясений, приложить голову мою к вашим коленам, дать вольное течение слезам моим, должно мне еще превозмогать себя насильственно...» (с. 22).

59

Ср. в «Барышне-крестьянке»: Алексей заклинал Лизу «не лишать его одной отрады: видеться с нею...». Напомню, что Вяземский закончил пересмотр своего перевода «Адольфа» летом 1830 г. В августе он видался с Пушкиным и вместе с ним ехал из Петербурга в Москву, оставив свой перевод на попечение Жуковского и Дельвига. Вероятно, тогда Вяземский и дал Пушкину на просмотр свой перевод «Адольфа».

60

«Я ни на что не надеюсь, ничего не прошу, хочу только вас видеть: но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (с. 18). Ср. письмо Пушкина к неизвестной (1823): «Ji ne demande rien»; там же о любви без надежд: «Si j'avais des esperances»; ср. также лирическое стихотворение «Признание» (1826): «Не смею требовать любви».

61

Адольф говорит, что расточал Элленоре, согласившейся видеться с ним наедине, «тысячу уверений в нежности, в преданности и в уважении вечном» (с. 20).

62

Она находится рядом с той, в которой дана характеристика Адольфа: «Вам известно мое положение, сей характер, который почитают странным и диким...» (с. 17). (Напечатанные курсивом слова отчеркнуты в пушкинском экземпляре «Адольфа».) Ср. «Евгений Онегин», 8-я глава, после строфы XXX в рукописи: «Свой дикий нрав преодолев».

63

В начале романа Адольф сам характеризует себя как соблазнителя. См., например: «В доме моего родителя я составил себе о женщинах образ мыслей довольно безнравственный...» (с. 8); «Сердце мое требовало любви, а чувство суетное успехом. Эленора показала мне достойной моих искусительных усилий...» (с. 11); «Я не думал, что люблю Эленору, но уже не мог отказаться от мысли ей нравиться... вымышлял тысячи средств к победе... мое воображение, мои желания, какая-то наука светского самохвальства восставала во мне» (с. 12).

64

Эта фраза звучит как цитата. Ср. «Евгений Онегин» (3-я глава, строфа IX): «Малек-Адель и де Линар», а также примечание Пушкина: «Малек-Адель – герой посредственного романа m-me Cottin. Густав де Линар герой прелестной повести баронессы Крюднер». О неправдоподобии романов Коттен Пушкин говорил дважды: в 3-й главе «Онегина» (строфа XI, характеристика героя старых романов) и в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности» (1836).

65 В том же самом отрывке повести («На углу маленькой площади»), который воспроизводит сюжетную схему «Адольфа», несомненно влияние и Бальзака. Я имею в виду рассуждение о том, как должен себя вести обманутый муж. В декабре 1829 г. вышла (анонимно) знаменитая «физиология брака» Бальзака, о которой Пушкин упоминает в «Египетских ночах». В этой книге вопрос о поведении обманутого мужа трактуется чрезвычайно подробно. напр.: «Quelle doit etre la conduite d'un mari en s'apercevant d'un dernier symptome, qui ne lui laisse aucun doute sur l'infidelite de sa femme» (с. 287, изд. 1868 г.) («Каким должно быть поведение мужа, окончательно убедившегося в неверности своей жены»). Ср. в пушкинском отрывке: «** скоро удостоверился в неверности своей жены (...) Он не знал, на что решиться: притвориться ничего не замечающим казалось ему глупым...» Ср. с «физиологией брака»: «Paraitre instruit de la passion de sa femme est d'un sot; mais feindre d'ignorer tout est d'un homme d'esprit» (с. 229) («только глупец показывает, что знает о страсти своей жены, умный человек сделает вид, что ничего не замечает»). Там же: «Le grand esueil est le ridicule» («Самое опасное для чести – это смешное»). Бальзак также дает ряд примеров мужей, смеющихся «над несчастием столь обыкновенным» (с. 288), что Пушкин называет «презрительным». В пушкинском отрывке одно сравнение взято из той же книги Бальзака: «Он вышел из комнаты, как школьник из класса» (черн.) «Elle s'evada comme un ecofier qui vient d'achever une1 penitence» («Она удалилась как школьник, который отбыл наказание»). Ср. также в «Станционном смотрителе»: «Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле». Ср. у Бальзака: «J'apercus une jolie dame assise sur le bras d'un fauteuil, comme si elle eut monte un cheval anglais» (с. 115) («я заметил красивую даму, сидящую на ручке кресла, как будто она сидела на английский лошади»). В письме от 12 апреля 1831 г. В. С. Голицын, которого Пушкин ссужал книгами, писал: «Псылаю Вам развратительную книгу (Physiologic du mariage)...» («Литературное наследство», т. 16–18, с. 610) (XIV, 161).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!